

УДК 130.2:008

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОГО ФАКТОРА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Сидоренко В. А.

Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, г. Луганск

E-mail: vls.80@mail.ru

Статья посвящена функционированию коммуникативных механизмов в рамках единого культурного пространства. В качестве фактора расширения культурного пространства и ускорения информационного обмена между его субъектами рассматривается процесс глобализации и связанные с ним теоретические и практические задачи трансляции культурного опыта. Проанализированы историко-философские основания построения теории единого культурного пространства и его информационно-трансляционных механизмов. Как основные параметры культурной коммуникации рассматриваются эксплицитность и имплицитность культурного знания, функционирование системы социальных фильтров, соотношение качества и количества транслируемой информации, эпистемологическая эргономичность, коммуникативная инерционность, а также аксиолого-дискурсивный контекст культурной коммуникации. Выделены два фактора воздействия глобализации на культурно-трансляционные процессы: с одной стороны, создание единого глобального культурного пространства облегчает отдельно взятым индивидам и культурным группам решение встающих перед ними задач, с другой постоянно возрастающий объем транслируемых данных снижает возможность их критической оценки и осмысления, приучая полагаться на фильтрующие и обобщающие механизмы антропосферного уровня, что негативно сказывается на творческом потенциале участников культурно-информационного обмена.

Ключевые слова: культурная коммуникация, коммуникативные механизмы, культурная трансляция, информационный взаимообмен, субъект и объект коммуникации.

Проблема коммуникации как основополагающего фактора формирования культурного опыта человека была и остается одной из важнейших для философской антропологии. В условиях глобализации культурных констант вопрос коммуникации и ее функционирования приобретает все большую остроту с учетом растущей скорости изменений в социокультурном окружении человека двадцать первого века. Одной из сложностей, вставших перед человечеством в постиндустриальную эпоху, стало стремительное повышение объемов производства нематериальных ценностей, в первую очередь информации, и смещение вектора культурного развития в направлении цифровизации всех сфер бытия человека. Лавинообразный характер увеличения объема информации в двадцать первом веке требует соответствующих

трансформаций коммуникативных атрибутов культурного пространства. Стремительное изменение информационной среды создает беспрецедентную в истории человечества нагрузку на коммуникативные системы участников цивилизационного процесса, как отдельных индивидов, так и социальных групп и общностей.

Роль информационного взаимодействия в развитии культуры изучалась целым рядом как отечественных (Т. В. Андрианова, И. Н. Валиев, В. С. Жидков, Т. В. Науменко, К. Б. Соколов, К. А. Тарасов), так и западных (М. Маклюэн, Г. Маркузе, Р. Рорти) философов, антропологов, культурологов, этнографов и психологов. Однако междисциплинарность коммуникативистики, помимо высокой репрезентативности, имеет и обратную сторону – размытость понятийного аппарата и фрагментированность научного поля, результатом чего стала невозможность выработки единой теории коммуникации. В настоящей статье коммуникация рассматривается как информационный взаимообмен между индивидом и общечеловеческим массивом культурного знания, а ее исследовательская парадигма объединяет в себе наработки более практически ориентированных областей знания. Соответственно, целью статьи является прояснение роли коммуникации в формировании культурного пространства с точки зрения философской антропологии.

Изучение коммуникативных механизмов культуры в глобальном понимании позволяет очертить информационные контуры человеческой эволюции. Именно коммуникация и коммуникативные системы играли и продолжают играть ключевую роль в развитии человечества, поскольку его эволюция происходила в открытой системе обмена энергией, веществом и информацией с внешним миром. Следовательно, эволюционный скачок человека имеет глубокую коммуникативную природу и детерминированность. При продвижении по иерархической магистрали – линии, которая отображает переход от менее организованного общественного устройства к более продвинутому – происходило количественное накопление культурной информации, которая, достигая критических объемов, обуславливала качественное продвижение человечества по эволюционной лестнице.

Благодаря своей знаковой природе, культура передает социальный опыт как по вертикали (от поколения к поколению), так и по горизонтали (информационный взаимообмен между отдельными индивидами и культурными группами в рамках одного временного периода). Горизонтальный способ накопления информации, также называемый ненаследственным [1, с. 125], значительно ускорил социально-информационные процессы по сравнению с биологическими, обеспечив не только диахронные, но и синхронные механизмы эволюции. В диахронном аспекте коммуникация обеспечивает индуктивное накопление общечеловеческого знания и его фильтрацию, в то время как ее синхронный аспект объединяет ныне существующее человечество в единый сверхорганизм, одновременно являясь его социальной памятью и включая в себя ряд механизмов обработки передаваемой информации.

Культурное знание является ситуативным объемом информации, необходимым индивиду для решения стоящей перед ним задачи и транслируемым ему

антропосферой. Ситуативной данная информация является вследствие различия предпосылок и условий решения задачи, а также конечных целей. Ситуативность обуславливает как содержание, так и объем транслируемых данных: для однократного решения конкретной задачи требуется максимально схематичный и имплицитно реализуемый пакет информации, в то время как при перспективе возникновения и необходимости решения сходных проблем в будущем индивиду необходимы данные для их теоретического осмысления и анализа, что вызывает потребность в трансляции более детальной и объективированной информации.

Обоснование антропосферного уровня организации информации и его коммуникативных аспектов было дано в первой четверти двадцатого века Эмилем Дюркгеймом. В своей работе «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейм описывал общество как форму организации, способную к более эффективному существованию, нежели сумма составляющих его индивидов, вследствие превосходства как в пространственном, так и во временном протяжении, обеспечиваемого коммуникативными механизмами [2]. Философское осмысление данной проблематики затронуло не только научные, но и литературные круги. Так, Г. Уэллс в своем произведении «Всемирный мозг» писал: «В настоящее время не существует никаких практических препятствий для создания полноценного каталога всех человеческих знаний, идей и достижений, а именно для создания полной всепланетной памяти всего человечества» [3, с. 98]. Также в качестве предтечи концепции коммуникативного единства культурного пространства можно рассматривать панпсихизм, восходящий к объективному идеализму Платона, а позднее получивший развитие в теориях Г. В. Лейбница, Г. Т. Фехнера и К. Г. Юнга.

Исходя из сложности целей вместо простоты средств, ряд философов и культурологов отстаивает большую сложность и комплексность коммуникативных механизмов по сравнению с гносеологическими (Р. Рорти, Х. Патнэм, С. Александер). Рорти, критикуя релятивистские принципы прагматизма, отмечает несостоятельность современной аналитической философии, которая стремится найти обоснование знания или верований в определенных незыблемых принципах и основах, таких как идеи Платона, априорные категории разума (Кант), независимые объекты (реалисты), «чувственные данные» (логические позитивисты), свойства нашего языка (аналитические философы). Рорти видит задачу философской антропологии в том, чтобы радикальным образом деконструировать и преодолеть это традиционное, восходящее к Декарту и Локку представление о философии как дисциплине, обеспечивающей точную репрезентацию бытия – «зеркале» природы, объективного мира [4; 5]. При таком подходе коммуникативные факторы становятся главным отличием между суммой индивидуальных знаний и антропосферой.

Глобализационные процессы современного мира затрудняют трансляцию коллективного культурного опыта человечества, поскольку рост объемов знаний приводит к невозможности усвоения в полной мере информации, необходимой для полноценного цивилизационного движения. Указанные трудности вызывают культурные конфликты и диссонансы во многих сферах человеческой деятельности, начиная с микроуровня – сознания отдельного индивида, и заканчивая

макроконфликтами между отдельными обществами и внутри человечества как целостной системы.

Информационная глобализация антропосферы требует соответствующей реакции со стороны коммуникационных механизмов, которая должна быть направлена на адаптацию ее субъектов к изменению условий существования. Следствием информационной революции конца двадцатого века стали активизация и динамичное развитие коммуникационных механизмов культуры для обеспечения эффективной интеграции всех составляющих культурного развития в единое поле. При этом основной акцент культурной коммуникации делается на приведение сознания индивида, основанного на индивидуальном опыте, в соответствие с общечеловеческим направлением культурного развития.

В таких условиях особого внимания заслуживают коммуникативные механизмы культуры, как индивидуальные, так и коллективные, которые собственно и выстраивают систему культурного знания. Коммуникативные механизмы обеспечивают адаптацию личного опыта субъекта к надиндивидуальному культурному информационному массиву, занимая особое место среди множества механизмов функционирования культуры. Исследование данных механизмов становится все более востребованным современной философской антропологией, учитывая приобретающий все больший масштаб процесс глобализации и связанную с ним унификацию глобального культурного информационного пространства.

С методологической точки зрения исследование коммуникативной сущности человека является многогранным и разнообразным процессом, что отразилось в значительном количестве научных парадигм, которые применяются к изучению проблем коммуникации. Особое значение в такой ситуации приобретает изучение закономерностей индивидуального и коллективного культурного развития. Учитывая указанное, изучение коммуникативной атрибуции культуры позиционируется в междисциплинарной области, которая включает в себя элементы философской антропологии, биологической антропологии, культурологии, психологии, теории познания, этнологии и лингвистики. Такое методологическое разнообразие обуславливает значительное количество научных подходов к предмету исследования, свидетельствуя о чрезвычайном интересе исследователей различных сфер к указанной проблеме и в то же время обуславливая множественность подходов и некоторую хаотичность определений, а также несогласованность понятийного аппарата.

Значимость исследования коммуникативной функции культуры в современном многополярном мире чрезвычайно высока, что отразилось в выделении изучения коммуникативных процессов индивида и общества в целом в отдельную междисциплинарную область философской антропологии, основные постулаты которой были сформулированы в 1920-х годах с ростом репрезентативности к концу XX века. Диверсифицированность исследований и недостаточная сформированность научной традиции в данной области предоставляет широкие возможности для дальнейших разработок как в рамках каждого из подходов в отдельности, так и в сфере систематизации и обобщения уже накопленного объема результатов. Описание механизмов, обеспечивающих коммуникацию между индивидом и антропосферой,

является перспективным направлением данной отрасли, основоположниками которой следует считать представителей американской антропологической школы, таких как Ч. Х. Кули, У. Липпман и Дж. Дьюи.

В работе «Социальная организация: изучение коллективного разума» Кули определяет коммуникацию как «механизм, посредством которого существуют и развиваются человеческие отношения, включая все символы разума вместе со средствами их передачи через пространство и сохранения во времени» [6, с. 36]. Эта точка зрения сделала коммуникационные процессы центральным и определяющим объектом изучения формирования культурного пространства. У. Липпман развил эту идею, высказав ставшее пророческим опасение о том, что развитие новых технологий в области массовых коммуникаций позволит с легкостью создавать культурные стереотипы, порождая диссонанс между идеализированными концепциями сознания и реальностью [7, с. 11]. Более оптимистичный подход к теории коммуникации предложил Дж. Дьюи, утверждая, что «коммуникация способна создать отличное общество сама по себе», а также «из всех процессов коммуникация – самый замечательный» [8, с. 205].

Исследователи первой половины XX века рассматривали коммуникацию как центральный компонент социального существования. Эта тенденция сохранилась до середины века в работах Т. Адорно, Х. Лассвелла и П. Лазарсфельда. Работы последнего стали классическими для американской философско-антропологической школы, основным недостатком которой был узконаправленный прагматизм изучения коммуникации. Лазарсфельд, в первую очередь, рассматривал трансляцию идей в треугольнике «СМИ – лидеры общественного мнения – индивид» [9, с. 34], что было, безусловно, важным шагом в исследовании прикладных аспектов манипулирования общественным мнением, однако оставляло без внимания горизонтальные коммуникативные связи, а также когнитивные, атрибутивные и другие аспекты трансляции культурной информации.

В дальнейшем (1950-е – 1960-е гг.) произошло значительное расширение исследовательской перспективы – этнографическая методология стала применяться с целью изучения других сфер культуры, таких как исследование урбанистической коммуникации (Р. Билз) и информационного влияния суб- и контркультур на доминирующие (Д. Райзмен, Д. Хебдидж). В результате процесс коммуникации стал рассматриваться как взаимодействие культур, в ходе которого происходит их изменение, усвоение ими новых элементов, формирование в результате смешения различных культурных традиций принципиально нового культурного синтеза.

Начиная с 1950-х годов, основным направлением изучения коммуникативных аспектов культуры становится теория массовой коммуникации. Акцент исследований сместился с анализа субъект-объектных взаимоотношений отдельных участников коммуникационных процессов к изучению универсальных коммуникативных принципов. М. Маклюэн отмечал, что после Второй мировой войны человечество превратилось в «глобальную деревню» [10, с. 103], в которой роль харизматичного лидера перешла в сферу информационной системы, распределенной между массовыми субъектами культуры. Ключевым понятием стала «информационная энтропия» – степень и объем возможных неточностей,

порождаемых массовым информационным взаимодействием. Основная задача культурной коммуникации трактовалась как снижение уровня энтропии за счет упорядочения информационных потоков, задействования социокультурных фильтров и других когнитивных механизмов с целью адаптации к стремительно возрастающей роли и объему информации в глобализирующемся мире.

В то же время теория коммуникации подвергается критике со стороны ученых франкфуртской школы (Ю. Хабермас, Г. Маркузе, О. Негт). Культурную коммуникацию обвиняют в «индустриализации культуры» (термин предложен Т. Адорно и М. Хоркхаймером для описания превращения культуры в фабрику производства манипулятивных механизмов [11, с. 227]). Представители данного направления отстаивали необходимость постоянного критического подхода к массовой коммуникации. В противном случае человек рискует чрезмерно увлечься легкодоступными ценностями массовой культуры и оказаться неспособным продуцировать свои собственные. В свою очередь, некритично воспринятые ценности порождают ложные потребности, внушенные массовой культурой. Слепо скопированным ценностям и вытекающим из них потребностям Маркузе противопоставил свободу и креативность как качества, экзистенциально присущие человеку и превращающие его из объекта культурного воздействия в субъект культурной коммуникации [12].

Логическим развитием критического подхода философов франкфуртской школы стало появление в 1960-х годах с дальнейшим развитием в отдельный сегмент теории культивации. Данная теория, предложенная Дж. Гербнером и Л. Гроссом, предполагает искусственное культивирование упрощенной модели личности и даже ставит под сомнение применимость термина «личность» к объектам такого культивирования. Представители этого направления применили позитивистскую исследовательскую парадигму для описания навязываемых массовой культурой (они даже ввели понятие «медиа насилия» [13, с. 120]) стандартных поведенческих моделей и мыслительных стереотипов. Ключевыми понятиями теории стали: мейнстрим – общепринятая тенденция, некритически перенимаемая объектом культивирования; культурный резонанс – использование идей, беспрепятственно вписывающихся в существующую схемную систему индивида, усредненное мировоззрение и медиазависимость. Также сторонники данного направления подчеркивали универсализацию и интернационализацию культивируемых идей, рассматривая их в качестве средства манипулирования целыми нациями. Результатом стало изменение исследовательского акцента с краткосрочных коммуникативных эффектов на изучение глубинных процессов, лежащих в их основе.

На рубеже 1960-х – 70-х годов теория коммуникации получила новую функцию: постепенно оформляясь в качестве отдельной междисциплинарной области исследований, коммуникативистика, вдобавок к изучению непосредственных процессов информационного обмена, стала инструментом трактовки этих процессов и объяснения их сущности участникам. Всплеск актуальности коммуникативной герменевтики в 1960-х – 70-х годах (Дж. Гоулд, П. Конрой, А. Клюге) объясняется обострением политической обстановки в мире и всеобщим разочарованием в

существующих коммуникативных механизмах, не обеспечивающих необходимого взаимопонимания между отдельными людьми, включая политических лидеров, и целыми обществами. Еще одной характерной чертой этого периода стало изучение многоканальной коммуникации: с развитием технологий появилась возможность получения одной и той же информации из различных источников и ее передачи через различные каналы. Многоканальность привела к конкуренции источников и средств трансляции информации, что обеспечило человечеству резкий скачок вперед в области количества и качества аккумулируемого и передаваемого культурного знания.

Наращение объемов транслируемой информации привело к возникновению в рамках коммуникативной науки такого направления, как коммуникативная экология (термин введен в 1968 г. Н. Постманом [14, с. 202], пик развития пришелся на 1970-е – 80-е гг.). Направление рассматривало влияние средств передачи информации на ее содержание и восприятие реципиентом. В более общем смысле коммуникативная экология рассматривала передачу информации как основу выживания человечества и его борьбы за существование. К. Фиоре считал, что каждой стадии развития человеческого общества соответствовала своя коммуникативная система, а смены эпох обуславливались именно изменениями информационной среды [15, с. 233]. Также Маклюэн и Фиоре рассматривали коммуникацию как распределенное продолжение человеческих ощущений, формирующее коллективный опыт социальной группы и человечества в целом. Ю. В. Рождественский описал ряд информационных черт, характерных для различных форм общественной жизни и обусловивших их развитие и смену. Постструктуралистский взгляд на коммуникативную экологию представлен в работах Ф. Гуаттари, Г. Бейтсона, М. де Ланды, М. Фуллера и Ю. Парикки.

Интересная концепция, получившая название «спирали молчания» [16, с. 329], была предложена Э. Ноэль-Нойман. Согласно этой теории каждый человек в той или иной степени страдает аутофобией – боязнью лишения коммуникации и, как следствие, одиночества. Здесь следует обратить внимание на то, что именно изоляция от общества применяется сегодня в качестве наивысшей меры наказания для лиц, слишком сильно вышедших за рамки социокультурных норм – тюремное заключение вплоть до пожизненного за различные отклонения от этих норм (например, если культурой установлен запрет на убийство – преступивший этот запрет изолируется от общества на долгий срок), изоляция от остального общества людей с серьезными психическими заболеваниями и т.п.

В 1980-х годах М. Маккомбсом и Д. Шоу было предложено разделение коммуникативных механизмов на краткосрочные и долгосрочные. Ввиду сфокусированности тогдашней коммуникативистики на трансляции политической и новостной информации исследование краткосрочных эффектов получило более широкое распространение, особенно в американской и западноевропейской антропологии. В качестве эффективных коммуникативных механизмов были предложены фрейминг – встраивание новой информации в уже сформированную информационную структуру, прайминг – повышение значимости транслируемой

информации за счет стимулирования ассоциативных связей, гейткипинг – факторы, влияющие на отбор транслируемых данных и другие.

Также заслуживает внимания развившаяся в конце 20 века теория использования и удовлетворения. Ее основатели Э. Кац, Дж. Блумлер и М. Гуревич задались вопросом о том, как и почему конкретный участник коммуникации выбирает тот или иной канал передачи или получения информации. При этом основное внимание уделяется именно реципиенту, выступающему в роли клиента, потребности которого и запускают механизм массовой коммуникации. Данная теория подразумевает, что получатель информации не является пассивным объектом трансляции: в условиях высочайшей конкуренции между каналами степень его удовлетворенности заставляет трансляторов находиться в постоянном поиске путей повышения качества, усваиваемости и других характеристик передаваемого знания. Результатом становится повышение эвристичности: облегчения и упрощения трансляционных механизмов, не гарантирующего оптимальности и совершенства коммуникации, однако удовлетворяющего потребности реципиента без излишних затрат когнитивных ресурсов.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что единая теория коммуникации должна включать в себя ряд постулатов. Прежде всего, современная философская антропология должна учитывать, что ввиду лавинообразного увеличения объема культурной информации отдельный человек становится неспособен к ее полноценному усвоению, в связи с чем ему приходится все больше полагаться на социокультурные механизмы фильтрации и обобщения, заложенные в антропосферный уровень организации культурного пространства. Данный процесс создает двоякий эффект: с одной стороны, индивид получает информацию в максимально готовом к использованию виде, с другой – позволяет антропосфере манипулировать собственным сознанием, снижая творческий потенциал и способность к выработке собственных решений проблем как локального, так и глобального характера. Также во внимание должны приниматься эмерджентные факторы культуры как информационной системы, в частности, повышающаяся с увеличением массива энтропийность. Одним из средств борьбы с энтропией в этом случае выступает унификация культурного знания, являющаяся характерной и все усиливающейся чертой современного глобализированного мира. Таким образом, формирование единой теории коммуникации из эклектичных фрагментов, предложенных различными смежными с философской антропологией областями знания, вносит свою лепту в снижение энтропийности общечеловеческого культурного пространства.

Список литературы

1. Жидков В. С., Соколов К. Б. Искусство и общество. – СПб.: Алетейя, 2005. – 592 с.
2. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. – М.: Наука, 1998. – 485 с.
3. Wells H. G. World brain. – Ann Arbor: Adamantine Press, 2004. – 185 p.

4. Рорти Р. Универсализм, романтизм, гуманизм: Лекция / Пер. с англ. С. Д. Серебряного. – М.: РГГУ, 2004. – 54 с.
5. Рорти Р. Философия и зеркало природы / науч. ред. В. В. Целищев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 297 с.
6. Jacobs G. Charles Horton Cooley: imagining social reality. – Boston: University of Massachusetts Press, 2016. – 312 p.
7. Валиев И. Н. Стереотипы социального взаимодействия. – М.: Прометей, 2017. – 160 с.
8. Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов / РАН ИНИОН, отв. ред. Д. В. Ефременко. – М., 2013. – 322 с.
9. Науменко Т. В. Массовая коммуникация как глобальный процесс. – М.: Научная библиотека, 2015. – 398 с.
10. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: становление человека печатающего. – М.: Академический Проект, 2013. – 496 с.
11. Андрианова Т. В. Глобальное мировоззрение. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 281 с.
12. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2013. – 527 с.
13. Тарасов К. А. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. – М.: Белый берег, 2005. – 379 с.
14. Gencarelli T. F. Perspectives on culture, technology, and communication: The media ecology tradition. – Hampton, 2006. – 421 p.
15. Методологические проблемы социально-гуманитарных наук: монография / под ред. Т. В. Науменко. – М.: Научная библиотека, 2013. – 496 с.
16. Универсальная журналистка / под ред. Л. П. Шестеркиной. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 480 с.

Sidorenko V. A. Role of Communicative Factor in Cultural Space Forming // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2020. – Vol. 6 (72). – № 1. – P. 76–85.

The article discusses functioning of communicative mechanisms within the framework of the single cultural space. The globalization process, as well as theoretical and practical tasks of cultural experience transmission, is considered as a factor of the cultural space expansion and acceleration of information exchange between its subjects. Historical and philosophical foundations of constructing the theory of unified cultural space and its information-translational mechanisms are analyzed. The following parameters of cultural communication are considered as main ones: explicitness and implicitness of the cultural knowledge, functioning of the social filter system, ratio of the quality and quantity of transmitted information, epistemological ergonomics, communicative inertia, as well as the axiological and discursive context of the cultural communication. Two factors of the globalization impact on the culture translation processes are distinguished: on the one hand, creation of the single global cultural space makes it easier for individuals and cultural groups to solve their tasks, and on the other hand, ever-increasing volume of the transmitted data reduces the opportunities for its critical assessment and understanding, making accustomed to relying on filter and generalization mechanisms of the anthropospheric level, which negatively affects the creative potential of the cultural information exchange participants.

Key words: cultural communication, communication mechanisms, cultural translation, informational exchange, subject and object of communication.

References

1. Zhidkov V. S., Sokolov K. B. *Iskusstvo i obshchestvo [Art and Society]*. Saint Petersburg, Aleteiya, 2005, 592 p.
2. Dyurkgeim E. *Elementarnye formy religioznoi zhizni [Elementary Forms of Religious Life]*. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya*. Moscow, Nauka, 1998, 485 p.
3. Wells H. G. *World brain*. Ann Arbor, Adamantine Press, 2004, 185 p.
4. Rorti R. *Universalizm, romantizm, gumanizm: Lektsiya [Universalism, Romanticism, Humanism: Lecture]*. Moscow, RGGU, 2004, 54 p.
5. Rorti R. *Filosofiya i zerkalo prirody [Philosophy and the Mirror of Nature]*. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. un-ta, 1997, 297 p.
6. Jacobs G. *Charles Horton Cooley: imagining social reality*. Boston, University of Massachusetts Press, 2016, 312 p.
7. Valiev I. N. *Stereotipy sotsial'nogo vzaimodeistviya [Stereotypes of Social Interaction]*. Moscow, Prometei, 2017, 160 p.
8. *Interaktsionizm v amerikanskoj sotsiologii i sotsial'noi psikhologii pervoi poloviny XX veka: Sb. perevodov [Interactionism in American Sociology and Social Psychology of the First Half of the Twentieth Century: Translation Collection]*. Moscow, 2013, 322 p.
9. Naumenko T. V. *Massovaya kommunikatsiya kak global'nyi protsess [Mass Communication as a Global Process]*. Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2015, 398 p.
10. Maklyuen M. *Galaktika Gutenberga: stanovlenie cheloveka pechatayushchego [The Gutenberg Galaxy: Becoming of Printing Person]*. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2013, 496 p.
11. Andrianova T. V. *Global'noe mirovozzrenie [Global Outlook]*. Moscow, Direkt-Media, 2014, 281 p.
12. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva [Eros and Civilization. One-Dimensional Man: A Study of the Developed Industrial Society Ideology]*. Moscow, AST, 2013, 527 p.
13. Tarasov K. A. *Nasilie v zerkale audiovizual'noi kul'tury [Violence in the Mirror of Audiovisual Culture]*. Moscow, Belyi bereg, 2005, 379 p.
14. Gencarelli T. F. *Perspectives on culture, technology, and communication: The media ecology tradition*. Hampton, 2006, 421 p.
15. *Metodologicheskie problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk: monografiya [Methodological Problems of Social Sciences and Humanities: Monograph]*. Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2013, 496 p.
16. *Universal'naya zhurnalistika [Universal Journalism]*. Moscow, Aspekt Press, 2016, 480 p.